

Нередки случаи, когда увлечение постепенно вытесняет из памяти друзей основную профессию героя.

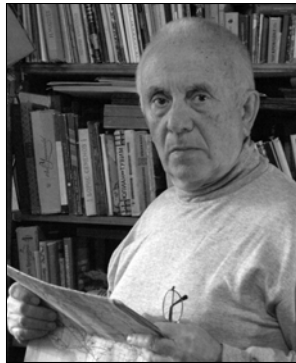
Сергей Викторович Калмыков, которого мы поздравляем с 75-летием, прекрасный инженер-океанолог, но все же для широкого круга культурных одесситов он, прежде всего, фотохудожник, благодаря таланту которого запечатлены многие замечательные люди, связанные с нашим городом, многие памятники одесской архитектуры, исчезнувшие и оставшиеся только на его фотографиях...

Сергей Калмыков кроме таланта фотохудожника владеет еще и литературным даром — его рассказы о встречах с яркими людьми в истории Одессы не уступают по художественным качествам его фотографиям. Кажется, подлинная любовь к Одессе подпитывала от природы полученные дарования. К тому же одесский юмор, одесская ирония, одесская печаль по утраченному — дополнительные штрихи его таланта.

Сергей Калмыков любезно предоставил нашей газете несколько фотографий из своего архива и специально написал новые тексты.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Сергей КАЛМЫКОВ ОТВЕТЫ НА НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ

Когда моему отцу стукнуло пятьдесят, я, тогдашний студент-первокурсник, спросил его:

— Это же, наверно, ужасно много, это же половина столетия?

И услышал в ответ:

— Много, конечно, только прошло быстро...

Теперь, когда мне семьдесят пять, я понимаю, насколько он был прав. Да, так же быстро, как быстро читается интересная книга с великолепными картинками. До чего ж интересно сегодня снова пролистывать ее страницы! Жаль только, что некоторые слегка выцвели или открываются с трудом. Были замечательные

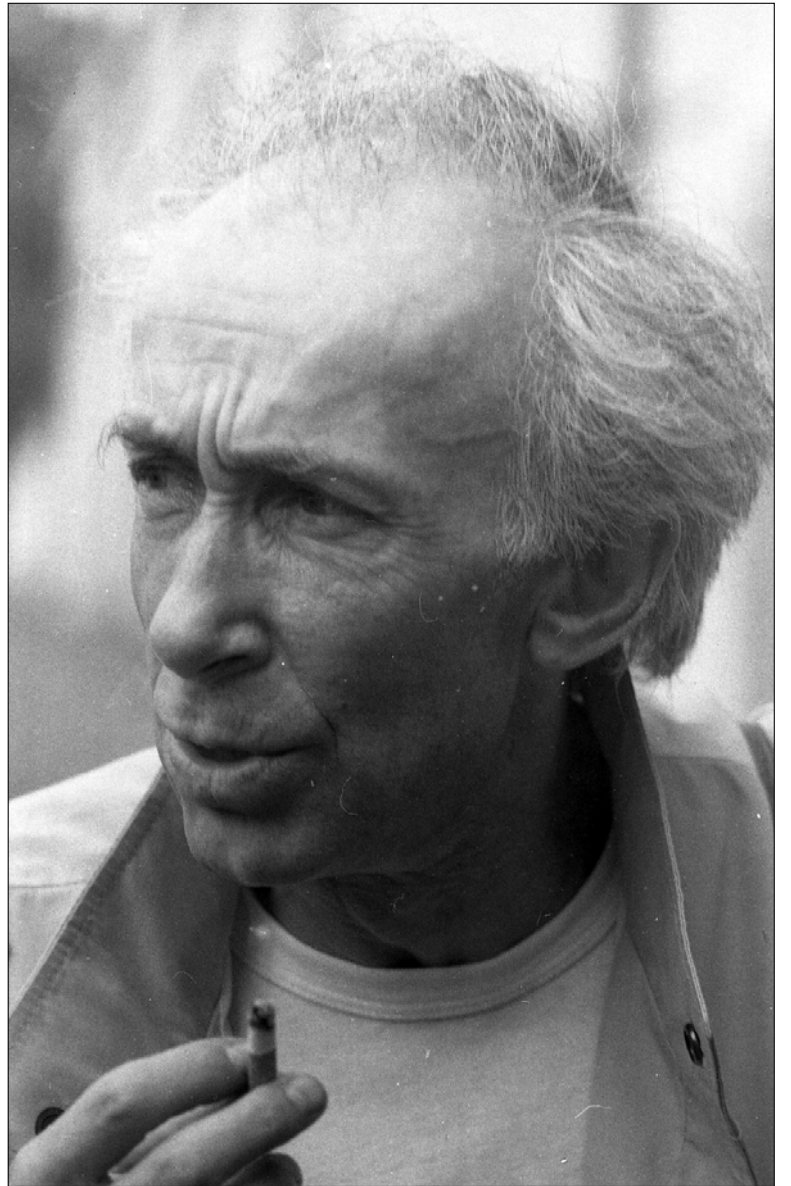
поездки и встречи, открытия и находки, участие в литературоведческих конференциях, в издании разных книг, в фотоконкурсах и выставках. Но почему "были"? Интересная жизнь продолжается, и это здорово!

Источники моего оптимизма — это надежная семья, дети и внуки, близкие по духу люди и книги, музыка и природа, а еще — возможность заниматься любимым делом за удобно освещенным рабочим столом. А намеченных дел, даже первоочередных, немало.

Часть моих детских лет пришлось на военные годы в Одессе, а ведь в начале жизни что ни шаг, то новиз-

на и удивление. Вот впечатления и остались настолько яркими, что хочется набросать для внуков этакое "Дополнение к общеизвестному". И не только это...

А вот источники моей досады — это упущенные возможности в результате собственной нерасторопности, это понимание все той же быстротечности времени, это постепенное исчезновение задушевности и своеобразия нашего благословенного города, это вползание в нашу жизнь серого бескультурья и беспамятства. А беспамятству и забвению я всегда противостоял как мог.

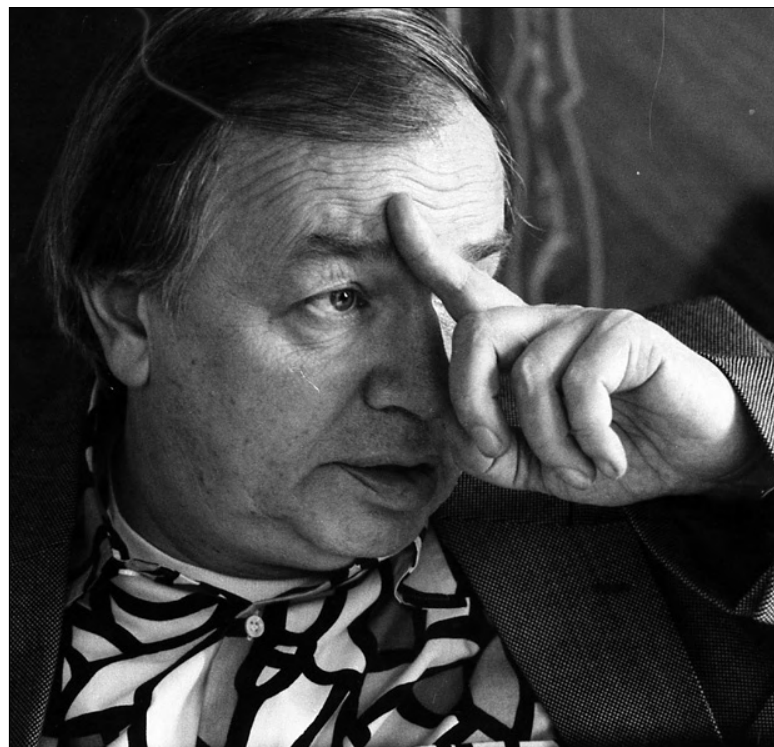
Актер Валентин Никулин

Кинорежиссер Петр Тодоровский

Писатель Сергей Бондарин

Поэт Андрей Вознесенский

Онегин в Тель-Авиве

Когда вдруг появился шанс поехать в Тель-Авивскую оперу, какие могли быть колебания? Возникла определенная надежда получить новые впечатления, и она оправдалась полностью. Жаль, что уже смерклось, и охватить полностью внешний вид театра не удалось. Одно было понятно: здание велико и очень современно, но без модного безобразия. На входе крепко-охранник ласкает вас металлоискателем и просит открыть сумки, даже дамские. Ну, понятно, чего уж тут... Билетов, однако, пока не спрашивают, и в фойе заходим просто так. Лестницы, переходы. Расставлены манекены в роскошных сценических одеяниях, продаются компакт-диски в изобилии.

Билеты понадобились только при входе в зал. Он велик, сцену видно прекрасно, хотя места наши довольно высоко. Забегая вперед, упомяну, что по ходу спектакля даются титры на иврите и английском. Состав солистов сборный: Израиль, Россия, Канада. Хор местный, рус-

скоязычный без признаков акцента, значит, все наши.

Теперь о постановке. Неизбежные березки в качестве задника для всех действий. "Еще будет роуль в кустах", — предупредил знакомый хорист. И точно, вполне традиционное начало: лужайка, верные поселяне, барыня с дочерьми и хлопотами о варенье, и — роуль. Он свидетель и письма Татьяны, и ее свидания с Онегиным. Оно решено в виде пикника: гамак, подстилочка на манер пляжной, на которой девушка ждет предмет обожания, а хор за

березками поет "Девушки-красавицы, душеньки-подруженьки...". Почему-то Онегин одет в "тройку" песочного цвета и смахивает на чеховского Тригорина. Сцена именин, в основном, традиционна. Разномастные гости, уютная зала, диванчик, где норвит прикорнуть сытый толстяк, ну и роуль, на котором забавник Трике, надев сарафан, поет свое поздравление. В сцене дуэли роуль задрапирован тканью, припорошенной снегом. На петербургском рауте уже не ютящийся где-то сзади роуль притягивает внимание, а несоразмерно громадная сверхкающая хрусталем люстра.

И вот финал... Но тут уже не до иронии, а накатывает холодок от символики полного краха для Онегина. Лежит на сцене погасшая и рухнувшая люстра, роуль чуть заснежен как напоминание о том январском дне, когда был убит юный друг, желанная, но потерянная Татьяна в черном платье, как в трауре...

Может, и не вполне по Пушкину, но щемяще сильно.